

Шолом-Алейхем

Тевье-молочник

Перевод с идиш
Михаила Шамбадала

ФТМ

Шолом-Алейхем
Тевье-молочник

«ФТМ»

1914

Шолом-Алейхем

Тевье-молочник / Шолом-Алейхем — «ФТМ», 1914

Серия монологов, объединенная в книге «Тевье-молочник», писалась Шолом-Алейхемом и печаталась в периодической печати в течение двадцати лет 1894–1914 годы.

© Шолом-Алейхем, 1914

© ФТМ, 1914

Содержание

«Аз недостойный»	5
Счастье привалило!	7
Химера	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Шолом Алейхем

Тевье-молочник

«Аз недостойный»

(Письмо Тевье-молочника к автору)

Моему любимому и дорогому другу, реб Шолом-Алейхему, – дай бог здоровья и достатка вам с женой и детьми! Да сопутствуют вам радость и утеха всюду и везде, куда бы вы ни обратили стопы свои, – вовеки аминь!

«Аз недостойный», – должен сказать я, выражаясь словами праотца нашего Иакова, с которыми он обратился к господу богу, собираясь в поход против Исава... Но, может быть, это не так уж к месту, – не взыщите, пожалуйста: человек я простой, вы, конечно, знаете больше моего, – что и говорить! Живешь, прости господи, в деревне, грубеешь, некогда ни в книгу заглянуть, ни главу из священного писания повторить... Счастье еще, что летом, когда в Бойберик на дачи съезжаются егупецкие богачи, можно кой-когда встретиться с просвещенным человеком, услышать умное слово. Поверьте, вспоминать о тех днях, когда вы жили неподалеку от меня в лесу и выслушивали мои глупые рассказы, мне дороже какого угодно заработка! Не знаю, чем я заслужил, что вы возитесь с таким маленьким человечком, как я, пишете мне письма да еще собираетесь выставить мое имя в книге, преподнести меня как лакомое блюдо, точно бы я был невесть кто! Не должен ли я воскликнуть: «Аз недостойный!..» Правда, я вам поистине преданный друг, дай мне бог хотя бы сотую долю того, что я желаю вам! Вы, я думаю, и сами могли видеть, как я старался ради вас еще в те добрые времена, когда вы снимали большую дачу, – помните? Не купил ли я вам за полсотни корову, какую и по дешевке за пятьдесят пять рублей не купишь. А что она на третий день околела, так я же не виноват! Ведь вот вторая корова, которую я для вас купил, тоже подохла!.. Вы сами отлично знаете, как это меня огорчило, я прямо-таки голову тогда потерял! Я ли не старался доставлять вам все, что ни есть лучшего, да поможет так бог мне и вам в наступающем Новом году, чтобы было у вас, как в молитве сказано: «Обнови дни наши, яко встарь...» А мне да поможет господь в моем деле! Чтобы и я и лошаденка моя были здоровы, чтобы коровы давали много молока, дабы я и впредь мог служить вам верой и правдой и доставлять сыр и масло вам и егупецким богачам, пошли им бог удачи в делах и всего наилучшего. А что касается вашего труда и почета, который вы мне оказываете своей книгой, то я еще раз повторяю: «Аз недостойный!» Не много ли чести для меня, чтобы весь мир вдруг узнал, что по ту сторону Бойберика, недалеко от Анатовки, живет человек по имени Тевье-молочник? Однако вы, надо полагать, знаете, что делаете, учить вас уму-разуму мне не приходится; как писать, вам виднее, а во всем остальном целиком полагаюсь на ваш благородный характер: уж вы, я надеюсь, постараетесь там в Егупце, чтобы мне от этой книжки кое-что перепало. Сейчас это, знаете ли, было бы очень кстати: я собираюсь вскоре начать подумывать о свадьбе – дочь надо замуж выдать. А если господь, как вы говорите, дарует жизнь, то, пожалуй, и двух сразу... А пока будьте здоровы и всегда счастливы, как желает вам от всего сердца ваш лучший друг

Тевье.

Да! Главное забыл! Когда книжка будет готова и вы вздумаете выслать мне немного денег, будьте добры отправить их в Анатовку на имя тамошнего резника. У меня зимой два поминальных дня: один осенью, незадолго до Покрова, а другой поближе к Новому году, – так что

эти дни я провожу в городе. А просто письма можете посылать прямо в Бойберик на мое имя. Пишите так: «Передать господину Тевлу, молочного еврей».

1895

Счастье привалило!

«Из праха подьѐмлет он нищего, из тлена – убогого...»

Псалтырь

Удивительная история о том, как Тевье-молочник, бедняк, обремененный семьей, вдруг был осчастливлен благодаря необычайному случаю, достойному описания. Рассказана самим Тевье и передана слово в слово.

Знаете, пане Шолом-Алейхем, уж коль суждено счастье, оно само в дом приходит! Как это говорится: «Если повезет, так на рысях!» И не надо при этом ни ума, ни умения. А ежели, упаси господи, наоборот, – так уж тут говори не говори, хоть разорвись, – поможет, как прошлогодний снег! Как в поговорке: «Сладу нет с худым конем – ни умом, ни кнутом!» Человек трудится, надрывается, хоть ложись, – прости господи! – да помирай! И вдруг – не знаешь, отчего и почему, – удача прет со всех сторон... «Облегчение и спасение да приидут на иудеев!» Растолковывать вам эти слова нужды нет, но смысл их такой: покуда душа в теле, покуда хоть одна жилка еще бьется, нельзя терять надежды. Я знаю это по себе. И в самом деле, какими судьбами пришел я к теперешнему моему промыслу? Ни бабка моя, ни прабабка никогда молочным не торговали. Нет, право же, вам стоит выслушать эту историю от начала до конца, Я присяду на минутку вот здесь, возле вас, на травке, а лошадка тем временем пускай пожует. Как говорится: «Душа всего живущего» – тоже ведь божья тварь.

Словом, было это около пятидесятницы¹, то есть, чтобы не соврать, – за неделю или за две до пятидесятницы... А впрочем, может быть, и неделю-другую после пятидесятницы. Не забывайте, что делу этому уже как-никак не первый год, то есть ровно девять лет, если не все десять, а может быть, еще и с хвостиком.

Был я тогда совсем не тот, что сейчас, то есть, конечно, тот же Тевье, а все же не тот, как говорится: та же бабка, да повойник другой. Почему, спросите вы? Очень просто: был я тогда, не про вас будь сказано, гол как сокол, нищий... Хотя, с другой стороны, если говорить начистоту, я и сейчас еще не богач. Мы можем с вами вместе пожелать себе заработать нынешним летом столько, сколько мне не хватает до состояния Бродского... Но в сравнении с тем, что было, я сейчас, можно сказать, – богач: у меня своя лошаденка с повозкой, у меня, не сглазить бы, пара дойных коровок и еще одна стельная, вот-вот должна отелиться. Грех жаловаться: каждый день у меня свежее молоко, масло, сыр, сметана – и все своим трудом добыто, потому что работаем мы всей семьей, никто без дела не сидит. Жена доит коров, дочери разносят крынки, сбивают масло, а сам я, как видите, что ни утро, езжу на базар, обхожу в Бойберике все дачи, встречаюсь с тем, с другим, с самыми богатыми людьми из Егупца... Поговоришь с человеком, – начинаешь чувствовать, что и сам ты как-никак человек на белом свете, как говорится, не кляча колченогая... А уж в субботу – и говорить нечего! В субботу я – король: заглядываю в книгу, просматриваю главу из Пятикнижия, почитываю «Поучение отцов», псалом – то да се, пятое-десятое... Смотрите вы на меня, пане Шолом-Алейхем, а про себя небось думаете: «Э-ге, а ведь этот Тевье не так уж прост!...»

Словом, о чем же я начал рассказывать? Да... был я тогда, стало быть, с божьей помощью, горемычный бедняк, помирал с голоду вместе с женой, и детьми трижды в день, не считая ужина. Трудился, как вол, возил бревна из лесу на вокзал, полный воз, бывало, везу – чего тут стесняться? – за два пятиалтынных, да и то не каждый день... И вот на такие заработки изволь прокормить полон дом едоков, не сглазить бы, да еще содержать конягу, которой и вовсе дела

---

¹ Пятидесятница – еврейский религиозный праздник – пятидесятый день со второго дня Пасхи.

нет до всякого рода толкований и изречений: корми ее каждый день без отговорок, и дело с концом!

Однако на то и бог! Ведь он, как говорится, «всех кормящий и насыщающий», – разумно миром управляет... Видит он, как я из-за куска хлеба бьюсь, и говорит: «Ты небось думаешь, Тевье, что все уже кончено, светопреставление, небо на землю валится? Ну и глуп же ты, Тевье, ой как глуп! Вот увидишь, счастье, если богу будет угодно, повернется этак налево кругом, – и сразу во всех уголках светло станет!» Выходит, как в молитве сказано: «Кто будет вознесен, а кто – низвергнут», – кто ездит, а кто пешком плетется. Главное упование! Надо жить надеждой, только надеждой! А ежели до поры до времени приходится горе мыкать, так на то же мы и евреи на белом свете, как говорится, избранный народ... Недаром нам весь мир завидует... К чему я это говорю? Да к тому, что и меня господь бог не оставил своей милостью... Вы только послушайте, какие чудеса на свете бывают.

Однажды летом, в предвечернюю пору, еду я лесом, возвращаюсь порожняком. Голову повесил, на душе кошки скребут. Лошаденка едва ноги волочит, хоть ты ее режь...

– Ползи, – говорю я, – несчастная! Пропадай со мной заодно! Знай и ты, что значит пропоститься долгий летний день, раз ты у Тевье в лошадях состоишь!

Кругом тишина. Каждый щелчок бича гулом отдается в лесу. Солнце садится, день угасает. Тени от деревьев вытягиваются до бесконечности. Темнеет. Тоскливо становится. В голову лезут разные думы, образы давно умерших людей встают перед глазами. О доме вспомнишь, – горе горькое! Дома мрак, уныние, ребятишки, будь они здоровы, раздетые, разутые, ждут не дождутся отца-добытчика, не привезет ли каравай свежего хлеба, а то и булку! А она, старуха моя, – известное дело, женщина! – ворчит: «Детей ему нарожала, да еще семейных! Хоть возьми, прости господи, и утопи их живыми в речке!» Каково такие речи слушать!

А ведь мы всего только люди, плоть да кровь. Разговорами сыт не будешь. Поешь селедки, – чаю захочется, а к чаю сахар требуется, а сахар, говорите вы, у Бродского...

– За кусок хлеба, что не доела, – говорит моя жена, – утроба не взыщет. Но без стакана чаю утром я не жилища на белом свете: ребенок за ночь все соки из меня высасывает!

Однако и о том, что ты еврей, забывать нельзя: солнце на закате... Молитва хоть и не коза, никуда не убежит, а помолиться все-таки пора... Правда, какая уж там молитва! Можете себе представить: как раз, когда положено стоять неподвижно, лошаденка, точно назло, срывается с места и несется как шальная... Вот и бежишь за тележкой, натягивая вожжи, и припеваешь: «Господь Авраама, господь Исаака, господь Иакова...» Хороша молитва, нечего сказать! А помолиться, как нарочно, хочется горячо, с огнем, – авось на душе полегчает...

Короче говоря, бегу это я за возом и читаю нараспев, совсем, как в синагоге (не будь рядом помянута!): «Питающий все живущее от щедрот своих!» То есть кормящий всякое свое творение... «Выполняющий обет свой перед покоящимся во прахе...» То есть даже перед теми, кому и жизнь – сырая могила...

«Эх, думаю, жизнь наша – могила глубокая! Ну и маемся же мы на свете! Не то, что египетские богачи, которые целое лето на дачах в Бойберике проводят, пьют, едят, как сыр в масле катаются! Эх, господи владыко небесный! И за какие грехи мне все это? Не такой я, что ли, как все другие? „Воззри на нашу бедность!“ Посмотри, мол, на наши муки, погляди, как мы трудимся, и заступись за нас, бедняков, потому что больше за нас заступиться некому! „Исцели нас да будем исцелены“. Пошли нам исцеление, а болячек нам не занимать стать. „Благослови нас...“ Пошли нам добрый год, чтобы хлеба уродились – и рожь и пшеница, и ячмень... Хотя, с другой стороны, какая мне, горемычному, от этого польза? Не все ли равно, скажем, моей лошаденке, дорог овес или дешев?

Однако не нам судить о деяниях всевышнего. А еврей и подавно должен все принимать безропотно и повторять: „И то благо!“ Так, видно, богу угодно! А кошунствующие, – продолжаю я, – „ристократы“, которые говорят, что нет на свете бога, будут посрамлены, когда

явятся туда... Поплатятся с лихвой, ибо он, „сокрушающий врагов“, – воздаст им сторицею! С ним шутки плохи, с ним ладить надо, упрашивать, умолять: „Отец всемилостивый! Внемли гласу нашему!“ услышь наши вопли! „Обрати милосердие твое к нам! – пожалей жену мою и деток, – они, бедные, голодны. Почти за благо, – смиростившись над возлюбленным народом твоим, как некогда в священном храме, когда священнослужитель и левиты...“ И вдруг – стоп! Лошаденка остановилась. Я мигом отхватил оставшуюся часть молитвы, поднял глаза и вижу: выходят мне навстречу из чащи два каких-то странных существа, одетые будто бы не по-людски... „Разбойники!“ – мелькнуло у меня в голове. Однако я тут же спохватился: „Фу, Тевье, дурачина ты эдакий! Столько лет подряд ездешь по лесу и днем и ночью – что это тебе разбойники вдруг померещились?“»

– Вью! – крикнул я лошаденке, набрался духу и хлестнул ее еще несколько раз, будто ничего не замечая.

– Уважаемый! Послушайте, дяденька! – обращается ко мне одно из этих существ женским голосом и машет мне платком. – А ну-ка, остановитесь на минутку, погодите удирать, ничего худого мы вам не сделаем!

«Ага! Нечистая сила! – подумал я, но тут же говорю себе: – Дурья голова! Откуда вдруг ни с того ни с сего духи и черти?» Остановил лошаденку. Присмотрелся получше – женщины. Одна пожилая, в шелковом платке на голове, другая помоложе – в парике. Обе раскраснелись и вспотели.

– Добрый вечер! Вот так встреча! – говорю я громко и даже как будто бы с радостью. – Чего изволите? Если купить что-нибудь, то у меня ничего нет, разве что колики в животе да сердечные боли на неделю вперед, есть еще и хлопоты, и заботы, и всякая морока, и горести всухомятку, беды и напасти – оптом и в розницу!

– Тише! Погодите! – отвечают они. – Скажи, пожалуйста, как его прорвало! Извозчика чуть словом задень, – жизни рад не будешь! Ничего, – говорят, – нам покупать не надо, мы только хотели вас спросить, не знаете ли вы, где здесь дорога на Бойберик?

– На Бойберик? – переспросил я с напускным смешком. – Для меня это все равно, как если бы вы спросили, к примеру, знаю ли я, что меня зовут Тевье.

– Вот как! – говорят они. – Вас зовут Тевье? Добрый вечер, реб Тевье! Нам не совсем понятно, что тут смешного? Мы не здешние, мы из Егупца и живем в Бойберике на даче. Вышли на минутку погулять и кружим в этом лесу чуть ли не с самого утра... Бродим, плушаем и никак не можем попасть на дорогу. А тут мы услышали, – кто-то поет в лесу. Поначалу подумали, – а вдруг упаси бог, разбойник! Но когда увидели вблизи, что вы еврей, стало легче на душе. Понимаете?

– Ха-ха! Хорош разбойник! – отвечаю я. – Слыхали вы когда-нибудь историю о еврейском разбойнике, который напал на прохожего и потребовал от него понюшку табаку? Хотите, – могу рассказать...

– Историю, – говорят они, – оставим до другого раза. Вы лучше укажите нам дорогу на Бойберик.

– На Бойберик? Позвольте! Но ведь это и есть самая настоящая дорога на Бойберик! Если вы даже не хотите, вы все равно по этой дороге обязательно придете прямо в Бойберик!

– Так чего же вы молчите?

– А чего, – говорю, – мне кричать?

– В таком случае, – говорят они, – вы, наверное, знаете, далеко ли до Бойберика?

– До Бойберика, – отвечаю, – недалеко, несколько верст. То есть верст пять-шесть или семь, а может, и все восемь.

– Восемь верст! – вскричали женщины в один голос и, заломив руки, чуть не расплакались. – Помилуйте! Что вы говорите? Понимаете ли вы, что говорите? Шутка ли – восемь верст!

– Что же, – отвечаю, – я могу поделаться? Если бы от меня зависело, я бы, пожалуй, сократил это расстояние. Человек должен все на свете испытать. В пути и не то бывает... Случается иной раз тащиться по грязи в гору, да еще в канун субботы, дождь хлещет в лицо, руки коленеют, есть хочется до полусмерти, а тут вдруг – трах! – ось лопнула...

– Болтаете вы что-то непутевое! – говорят они. – Вы не в своем уме, право! Что вы нам рассказываете басни, сказки из «Тысячи и одной ночи»? Мы уже не в силах на ногах держаться. За весь день, кроме стакана кофе с плюшкой, у нас маковой росинки во рту не было, а вы нам всякие истории рассказываете!

– Ну, это другое дело! – отвечаю. – Плохи пляски да шутки, когда пусто в желудке. Что такое голод, я знаю хорошо, – можете мне не рассказывать. Возможно, что кофе с плюшками я в глаза не видал вот уже лет...

И представляется мне тут стакан горячего кофе с молоком и свежей булкой и другие вкусные вещи...

«Скажите на милость! Чего захотел... – думаю я. – Какое деликатное воспитание: кофе с булочками... А ломоть хлеба с селедкой – хвор?» Но сатана, будь он неладен, как назло, не унимается: слышу запах кофе, чувствую вкус сдобной булки – свежей, хрустящей – объедение!..

– Знаете что, реб Тевье? – обращаются ко мне женщины. – Чем здесь стоять, не лучше ли нам забраться к вам в телегу, а вы бы потрудились отвезти нас домой, в Бойберик. Что вы на это скажете?

– Вот те и здравствуй! – говорю я. – Я из Бойберика еду, а вам надо в Бойберик! Как же это выйдет?

– Ну и что же? – отвечают они. – Не знаете, что делать? Человек, да еще ученый, находит выход: поворачивает оглобли и едет обратно. Не беспокойтесь, реб Тевье, будьте уверены, – если вы нас благополучно доставите домой, то дай нам бог столько прохворать, сколько вы на этом деле потеряете...

«Говорят они со мной чего-то на тарабарском языке! – подумал я. – Все какими-то обиняками!» И приходят на ум мертвецы, ведьмы, шуты, нечистая сила. «Дурень набитый! – думаю. – Чего ты стоишь как пень? Полезай на облучок, пугни конягу кнутом и – пошел, куда глаза глядят!» Но, как на грех, у меня против воли срывается:

– Полезайте в телегу!

А те, как услышали, – не заставили себя долго упрашивать... Я следом за ними – на облучок, повернул дышло и стал нахлестывать лошаденку: «Раз, два, три – пошел!» Да где там! Как бы не так! С места не трогается, хоть режь ее. «Ну, думаю, теперь ясно, что это за женщины такие! И дернула же меня нелегкая остановиться ни с того ни с сего посреди дороги и завести разговор с женщинами!..»

Понимаете? Кругом лес, тишина, ночь надвигается, а тут – два каких-то существа в образе женщин... Разыгралась у меня фантазия не на шутку! Вспомнилась история об извозчике, который однажды ехал один-одинешенек лесом и увидел на дороге мешок с овсом. Извозчик не поленился, слез, схватил мешок на плечи, – чуть не надорвался, кое-как взвалил его на телегу, и марш вперед. Отъехал с версту, хватился мешка, а его и нет! Ни тебе овса, ни мешка! На возу лежит коза с бородкой. Извозчик хочет дотронуться до нее рукой, а она ему язык с аршин как высунет, как расхохочется – и нет ее!

– Почему же вы не едете? – спрашивают мои пассажиры.

– Почему не еду? Сами, – говорю, – видите, почему: конь танцевать отказывается, охоты нет.

– А вы его, – говорят они, – кнутом! Ведь у вас кнут есть.

– Спасибо, – отвечаю, – за совет! Хорошо, что напомнили. Беда только в том, что мой молодец таких вещей не боится. С кнутом он уже свыкся, как я с нищетой...

Шучу понимаете, а самого лихоманка трясет. Словом, что тут долго рассказывать, – выместил я на несчастной моей лошаденке все, что накопилось на душе. В конце концов господь помог, лошадка снялась с места, и мы отбыли поехали лесом, своим путем-дорогою.

Еду, а в голове новая мысль проносится: «Эх, Тевье, и осел же ты! Как началось твое падение, как был ты нищим, так нищим и останешься. Подумай, такая встреча, ведь это раз в сто лет случается, – как же ты не сторговался с самого начала, чтобы знать, „что почем“, сколько ты получишь? Ведь, как ни суди, – по совести ли, по человечности ли, по закону или почему бы то ни было, – а заработать на таком деле, право же, не грех. Да и почему не поживиться, раз так случилось? Останови лошадку, осел ты эдакий, и скажи им – так, мол, и так, без церемоний: „Дадите столько-то, – ладно, а не дадите, – тогда, прошу прощения, извольте слезть с телеги!“ Но, с другой стороны, думаю, ты и в самом деле осел, Тевье! Не знаешь разве, что медвежью шкуру в лесу не продают? Как наши крестьяне говорят: „Ще не поймав, а вже скубе...“»

– Почему бы вам не ехать побыстрее? – говорят мои пассажирки, тормоша меня сзади.

– А куда вам так торопиться? Тише едешь, дальше будешь, – отвечаю я и поглядываю на них искоса.

Как будто бы ничего... Женщины как женщины: одна в шелковом платке, другая в парике. Сидят, смотрят друг на дружку и перешептываются.

– Далеко еще? – спрашивают они.

– Да уж не ближе, чем от этого места! – отвечаю я. – Вот сейчас поедем с горы, а потом в гору; затем – снова спуск и снова подъем и лишь потом будет большой подъем, а уж оттуда дорога пойдет прямо-прямохонько до самого Бойберика...

– Ну и извозчик! – обращается одна к другой.

– Бесконечное лихо! – говорит другая.

– Еще доставало! – говорит первая.

– Вроде придурковатый!..

«Конечно, думаю, придурковатый, раз позволяю себя за нос водить!»

– А где, к примеру, – спрашиваю я, – где, милые женщины, прикажете вас скинуть?

– Что значит, – говорят, – «скинуть»? Что за скидывание такое?

– Это на извозчицьем языке так говорится, – объясняю я. – На нашем наречии это означает: куда доставить вас, когда, бог даст, приедем в Бойберик и, по милости всевышнего, будем живы и здоровы! Как говорится: лучше дважды спросить, чем один раз напутать.

– Ах, вот оно что! Вы, – говорят они, – будьте добры довести нас до зеленой дачи, что у реки, по ту сторону леса. Знаете, где это?

– Почему же, – говорю, – мне не знать? В Бойберике я как у себя дома. Было бы у меня столько тысяч, сколько бревен я туда доставил. Вот только прошлым летом я привез на зеленую дачу две сажени дров сразу. Дачу снимал какой-то богач из Егупца, миллионщик, – у него, наверное, сто, а может быть, и все двести тысяч!

– Он и сейчас ее снимает, – отвечают обе женщины, а сами переглядываются и шепчутся, чему-то усмехаясь.

– Позвольте, – говорю я, – уж ежели стряслась такая история, то, может статься, что вы к этому богачу имеете кое-какое касательство... А если так, то, может быть, вы будете добры замолвить за меня словечко, похлопотать? Не найдется ли, чего доброго, для меня дело какое-нибудь, должность, мало ли что? Вот я знаю одного молодого человека, неподалеку от нашего местечка, звать его Исроел... Был никудышный парень. Однако пробился каким-то путем к богачу, а сейчас он важная шишка, зарабатывает чуть ли не двадцать рублей в неделю, а может быть, и сорок!.. Кто его знает? Везет людям!.. Или вот, скажем, чего не хватает зятю нашего резника? Что было бы с ним, если бы он не уехал в Егупец? Правда, вначале он немало горя хлебнул, несколько лет мучился, чуть с голоду не помер. Зато сейчас – дай бог мне не хуже – домой деньги присылает. Он даже хотел бы взять туда жену и детей, да беда в том,

что им там жить не разрешается. Спрашивается, как же сам он там живет? Очень просто – мучается... Однако, – говорю, – погодите-ка! Всему конец приходит: вот вам река, а вот и большая дача...

И лихо подкатил – дышлом в самое крыльцо. Увидели нас – и пошло тут веселье, крики, возгласы: «Ой, бабушка! Мама! Тетя! Отыскалась пропажа! Поздравляем! Боже мой, где вы были? Мы здесь голову потеряли... Разослали на поиски по всем дорогам... Думали – мало ли что? Волки... Разбойники, упаси боже... Что случилось?»

– Случилась интересная история: заблудились в лесу, ушли бог весть куда, верст за десять... Вдруг – человек... Что за человек? Да так, какой-то горемыка с лошадкой... С трудом упростили его...

– Фу ты господи, страсти какие! Одни, без провожатого! Скажите на милость! Бога благодарить надо...

В общем, вынесли на веранду лампы, накрыли на стол и качали таскать горячие самовары, чай на подносах, сахар, варенье, яичницы, сдобные булочки, свежие, пахучие, потом блюда всякие – бульоны жирные, жаркое, гусятину, наилучшие вина, настойки... Стою это я в сторонке и смотрю, как едят и пьют егупецкие богачи, сохрани их господи от дурного глаза! «Последнюю рубаху заложить, – подумал я, – только бы богачом быть!» Верите ли, мне кажется, того, что здесь со стола на пол падает, хватило бы моим детям на всю неделю, до субботы. Господи боже милосердный! Ведь ты же великий, всемилостивый и справедливый! Какой же это порядок, что одному ты даешь все, а другому – ничего? Одному – сдобные булочки, а другому – казни египетские! Однако, с другой стороны, – думаю я, – ты все-таки очень глуп, Тевье!

Что это значит? Ты берешься указывать богу, как миром управлять? Уж если ему так угодно, значит, так и быть должно. Потому что если бы должно было быть иначе, то и было бы иначе. А на вопрос, почему бы и в самом деле не быть по-иному, есть один только ответ: «„Рабами были мы“ – ничего не попишешь! На то мы и евреи на белом свете. А еврей должен жить верой и надеждой: верить в бога и надеяться на то, что со временем, если будет на то воля божья, все переменится к лучшему...»

– Позвольте, а где же этот человек? – спросил кто-то. – Уже уехал, чудак эдакий?

– Упаси боже! – отозвался я. – Как же это я уеду, не попрощавшись? Здравствуйте, добрый вечер! Благослови господь сидящих за столом! Приятного вам аппетита! Кушайте на здоровье!

– Подите-ка сюда, – говорят они мне. – Чего вы там стоите в темноте? Давайте хоть посмотрим, какой вы из себя! Может быть, рюмочку водки выпьете?

– Рюмочку водки? С удовольствием! – отвечаю. – Кто же отказывается от рюмочки! Как в писании сказано: «Кому за здравие, а кому за упокой». А толковать это следует так: вино – вином, а бог своим чередом... Лехаим! говорю и опрокидываю рюмку. – Дай вам бог всегда быть богатыми и счастливыми! И чтобы евреи оставались евреями. И пусть господь бог даст им здоровья и силы переносить все беды и горести!

– Как вас звать? – обращается ко мне сам хозяин, благообразный такой человек в ермолке. – Откуда будете? Где место вашего жительства? Чем изволите заниматься? Женаты? А дети у вас есть? Много ли?

– Дети? – отвечаю. – Грех жаловаться. Если каждое дитя, как уверяет меня моя Голда, миллиона стоит, то я богаче любого богача в Егупце. Беда только, что нищета – богатству не чета, а кривой прямому не сродни... Как в писании сказано: «Отделяющий праздник от будних дней», – у кого денежки, тому и жить веселей. Да вот деньги-то у Бродского, а у меня – дочери. А дочери, знаете, большая утеха, – с ними не до смеха! Но – ничего! Все мы под богом ходим, то есть он сидит себе наверху, а мы мучаемся внизу. Трудимся, бревна таскаем, что ж поделаешь? Как в наших священных книгах говорится: «На безрыбье и рак рыба...» Главная беда – это еда! Моя бабушка, царство ей небесное, говаривала: «Кабы утроба есть не про-

сила, голова бы в золоте ходила...» Уж вы меня простите, если лишнее сболтнул... Нет ничего прямее кривой лестницы и ничего тупее острого словца, особенно, когдахватишьрюмочку на пустой желудок...

– Дайте человеку покушать! – сказал богач. И сразу же на столе появилось чего хочешь, того просишь: рыба, мясо, жаркое, курятина, пупочки, печенка...

– Закусите чего-нибудь? – спрашивают меня. – Мойте руки.

– Больного, – отвечаю, – спрашивают, а здоровому дают. Однако благодарю вас! Рюмку водки – это еще куда ни шло, но усесться за стол и пировать в то время, как там, дома, жена и дети, дай им бог здоровья. Уж если будет на то ваша добрая воля...

Словом, очевидно поняли, на что я намекаю, и стали таскать в мою телегу кто булку, кто рыбу, кто жареное мясо, кто курятину, кто чай и сахар, кто горшок смальца, кто банку варенья...

– Это, – говорят они, – вы отвезете домой в подарок жене и детям. А сейчас разрешите узнать, сколько прикажете заплатить вам за труды?

– Помилуйте, – отвечаю, – что значит я прикажу? Уж это как ваша добрая воля... Поладим авось... Как это говорится, – червонцем меньше, червонцем больше... Нищий беднее не станет...

– Нет! – не соглашаются они. – Мы хотим от вас самих услышать, реб Тевье! Не бойтесь! Вам за это, упаси господи, головы не снимут.

«Как быть? – думаю. – Скверно: сказать целковый, – обидно, а вдруг можно два получить. Сказать два, – боязно: посмотрят, как на сумасшедшего, за что тут два рубля?»

– Трешницу!.. – сорвалось у меня с языка, и все так расхохотались, что я чуть сквозь землю не провалился.

– Не взыщите! – говорю я. – Быть может, я не то сказал. Конь о четырех ногах, и тот спотыкается, а уж человек с одним языком и подавно...

А те еще пуще смеются. Прямо за животики хватаются.

– Довольно смеяться! – сказал хозяин и, достав из бокового кармана большой бумажник, вытащил оттуда – сколько бы вы подумали к примеру? А ну, угадайте! Десятку! Красенькую, огненную, – чтоб я так здоров был вместе с вами! – и говорит: – Это вам от меня, а вы, дети, дайте из своих, сколько найдете нужным...

Словом, что тут говорить! Полетели на стол пятерки, и трешницы, и рублевки – у меня руки и ноги дрожали, думал – не выдержу, в обморок упаду.

– Ну, чего же вы стоите? – обращается ко мне богач. – Заберите ваши деньги и езжайте с богом к жене и детям.

– Воздай вам бог сторицею! – говорю. – Пусть у вас будет в десять, в сто раз больше! Всего вам хорошего и много-много радости!

И стал обеими руками сгребать деньги и, не считая, – где тут считать! совать бумажки во все карманы.

– Спокойной вам ночи! – говорю. – Будьте здоровы и дай бог счастья вам, и детям вашим, и детям детей ваших, и всему вашему роду!

Направляюсь к телеге. Но тут подходит ко мне жена богача, та, что в шелковом платке, и говорит:

– Погодите-ка, реб Тевье. От меня вы получите особый подарок. Приезжайте, с божьей помощью, завтра. Есть у меня бурая корова. В свое время была корова хоть куда, двадцать четыре кружки молока давала. Да вот сглазили ее, и она перестала доиться... То есть она доится... То есть она доится – но молока не дает...

– Дай вам бог долголетия! – отвечаю. – Можете не беспокоиться! У меня ваша корова будет и доиться и молоко давать. У меня старуха большая мастерица: из ничего лапшу крошит, из пяти пальцев затирку варит, чудом субботу справляет и колотушками ребят укладывает...

Извините, – говорю, – если лишнее сболтнул. Спокойной вам ночи, всего хорошего и будьте мне всегда здоровы и счастливы!

Вышел во двор к своему возу, хватился лошаденки, – нет лошаденки! Ах ты, горе мое горькое! Гляжу во все стороны, – вот ведь беда! – нету, и все тут!

«Ну, Тевье, думаю, попал ты в переплет!» И приходит мне на память история, которую я вычитал как-то в книжке, о том, как нечистая сила заманила набожного человека в какой-то дворец за городом, накормила, напоила его, а потом оставила его с глазу на глаз с какой-то женщиной. А женщина эта обернулась диким зверем, зверь – кошкой, а кошка – чудовищем... «Смотри-ка, Тевье! говорю я себе. – А не водят ли тебя за нос?»

– Что это вы там копошитесь? Чего ворчите? – спрашивают меня.

– Копошусь... – говорю я. – Горе мне и всей моей жизни! Беда со мной приключилась: лошаденка моя...

– Лошадка ваша в конюшне, – отвечают мне. – Потрудитесь зайти на конюшню!

Захожу, смотрю: и правда, честное слово! Стоит, понимаете ли, моя молодница среди господских лошадей и с головой ушла в еду: жует овес на чем свет стоит, аж за ушами трещит!

– Слышь ты! – говорю я ей. – Умница моя, домой пора! Сразу набрасываться тоже нельзя! Лишний ус, говорят, впрок нейдет...

В общем, еле упросил ее, запряг, и поехали мы домой, довольные и веселые. Я даже молитву праздничную запел. А лошаденку и не узнать, будто в новой шкуре. Бежит, кнута не дожидаясь. Приехал я домой уже поздненько, разбудил жену.

– С праздником, – говорю, – поздравляю тебя, Голда!

– Что еще за поздравления? – рассердилась жена. – С какой такой радости? С чего это на тебя такое веселье нашло, кормилец мой хваленый? Со свадьбы, что ли, приехал или с рождения, добытчик мой золотой?

– Тут тебе все вместе – и свадьба и рождение! Погоди, жена, сейчас увидишь клад! – говорю я. – Но прежде всего разбуди детей, пусть и они, бедняги, отведают егупецких разносолов...

– То ли ты сдурел, то ли спятил, то ли рехнулся, то ли с ума сошел? Говоришь, как помещанный, прости господи! – отвечает мне жена и ругается, осыпает меня проклятьями, как полагается женщине.

– Баба, – говорю я, – бабой и останется! Недаром Соломон-мудрый говорил, что среди тысячи жен он ни одной путной не нашел. Хорошо еще, что нынче вышло из моды иметь много жен...

Вышел я, достал из телеги все, что мне надавали, и расставил на столе. Моя команда, как увидела булки, как почуяла мясо, – налетели, горемычные, словно голодные волки. Хватают, руки дрожат, зубы работают... Как в писании сказано: «И вкушали...» А значит это – набросились, как саранча! У меня даже слезы на глаза навернулись...

– Ну, рассказывай, – обращается ко мне жена, – у кого это была трапеза для нищих или пир какой?.. И чему ты так радуешься?

– Погоди, – говорю, – Голда, все узнаешь. Ты взбодри самоварчик, усядемся все за стол, выпьем по стаканчику чаю, как полагается. Человек живет на свете всего только один раз, не два. Тем более сейчас, когда у нас есть своя корова на двадцать четыре кружки в день, – завтра, бог даст, приведу ее. А ну-ка, Голда, – говорю я и достаю из всех карманов ассигнации. – А ну-ка, попробуй угадай, сколько у нас денег?

Посмотрел я на свою жену, – стоит бледная как смерть и слова вымолвить не может.

– Бог с тобой, Голда-сердце, – говорю я, – чего ты испугалась? Уж не думаешь ли ты, что я украл или нагребил эти деньги? Фи, постыдись! Ты столько времени жена мне. Неужели ты могла подумать обо мне такое? Глупенькая, это деньги, честно заработанные, добытые соб-

ственным моим умом и трудами. Я спас, – говорю, – двух человек от большой опасности. Если бы не я, бог знает, что было бы с ними!

Словом, рассказал я всю историю от начала до конца, и принялись мы вдвоем считать и пересчитывать еще и еще раз наши деньги. Там оказалось ровным счетом дважды по восемнадцать² и один лишний, а в общем вы имеете не больше и не меньше, как тридцать семь рублей!..

Жена даже расплакалась.

– Чего же ты плачешь, глупая женщина?

– А как же мне не плакать, – отвечает она, – когда плачется? Сердце переполнено, и глаза – через край. Вот тебе бог, – говорит, – предчувствовала я, что ты приедешь с доброй вестью. Уж я и не припомню того времени, когда бабушка Цейтл, мир праху ее, мне во сне являлась. Сплю это я, и вдруг снится мне подойник, полный до краев. Бабушка Цейтл, царство ей небесное, несет подойник, прикрывая его фартуком от дурного глаза, а ребята кричат: «Мама, мони!»

– Ты погоди, душа моя, торопиться, не забегай вперед! – говорю я. – Пусть твоя бабушка Цейтл блаженствует в раю, а будет ли нам от нее какая-нибудь польза, не знаю. Но если господь бог мог совершить такое чудо, чтобы мы имели корову, так уж, наверное, он постарается, чтобы корова эта была коровой. Ты лучше посоветуй мне, Голда-сердце, что делать с деньгами?

– Лучше скажи мне ты, Тевье, что ты собираешься делать с такими деньгами?

– Нет, – говорю я, – ты, ты скажи, как ты считаешь, что мы можем сделать с таким капиталом?

И стали мы думать, прикидывать и так и эдак, долго ломали себе голову, перебирали все промысла на свете. И чем только мы в эту ночь не промышляли! Покупали пару лошадей и тут же их перепродавали с большой прибылью; открывали бакалейную лавочку в Бойберике, наскоро распродавали весь товар и тут же открывали мануфактурную торговлю; покупали лесной участок, с тем чтобы получить за него отступные и уехать; пытались взять в откуп коробочный сбор³ в Анатовке; собирались давать деньги в рост...

– С ума сошел! – рассердилась жена. – Хочешь растратить деньги и остаться при одном кнутовище?

– А ты думаешь, торговать хлебом и потом обанкротиться лучше? Мало ли народу, – говорю, – нынче разорилось на пшенице? Поди послушай, что творится в Одессе!

– Сдалась мне твоя Одесса! – отвечает она, – Мои деды и прадеды не бывали там, и дети мои тоже не будут, покуда я жива и на ногах держусь.

– Чего же ты хочешь? – спрашиваю я.

– Чего мне хотеть? – говорит она. – Я хочу, чтобы ты не был дураком и не говорил глупостей.

– Ну, конечно! – отвечаю я. – Теперь ты умная... У кого сто рублей, тот всех умней! Богатство еще только на примете, а уж умней его и нет на свете!.. Всегда так бывает!

Словом, мы несколько раз ссорились, тут же мирились и порешили, наконец, к обещанной мне бурой корове прикупить еще одну, дойную, которая дает молоко...

Вы, конечно, спросите: почему корову, почему не лошадь? На это я могу ответить: а почему лошадь? Почему не корову? Бойберик, понимаете, – такое место, куда летом съезжаются все егупецкие богачи, а так как егупецкие богачи с детства приучены, чтобы им прямо ко рту подносили и мясо, и яйца, и кур, и лук, и перец, и всякую всячину, – почему же кому-

---

² Число восемнадцать и кратные ему по еврейскому народному поверью считаются счастливыми числами, так как числовое значение букв, составляющих древнееврейское слово, обозначающее «жизнь», равно восемнадцати.

³ Коробочный сбор – специальный налог на «кошерное» мясо (то есть мясо от скота или птиц, зарезанных и специально приготовленных по закону еврейской религии) при царизме. Налог этот сдавался на откуп, и откупщик выколачивал его у еврейского населения (в особенности страдала от этого беднота).

нибудь не взяться доставлять им к столу сыр, сметану, масло и тому подобное? Покушать егупчане любят, а деньги для них – трын-трава, значит, можно и товар легко сбыть и заработать неплохо. Главное, чтоб товар был хорош. А такого товара, как у меня, вы и в Егупце не сыщете. Дай боже, мне вместе с вами столько счастья, сколько раз очень почтенные господа, даже христиане, упрасивали меня привозить им свежий товар:

«Мы, – говорят они, – слыхали, что ты, Тевье, человек честный, хоть и нехристь...» Думаете, от своих дожدهшься такого комплимента? Как бы не так! Доброго слова от них не услышишь. Они только и знают – совать нос, куда не следует. Увидали у Тевье корову, тележку новую и начали ломать себе голову: откуда такое? А не торгует ли этот самый Тевье фальшивыми ассигнациями? А не варит ли он втихомолку спирт? «Ха-ха-ха! Ломайте себе головы, думаю, на здоровье!» Поверите ли, вы чуть ли не первый человек, которому я рассказывал подробно всю эту историю...

Однако мне кажется, я заболтался. Не взыщите! Надо о деле думать. Как в писании сказано: «Каждая ворона к своему роду», то есть каждый берись за свое дело. Вы – за свои книжки, а я – за горшки и крынки... Об одном только хочу попросить вас, пане Шолом-Алейхем, – чтобы вы про меня в книжках не писали. А если напишете, то хоть имени моего не называйте.

Будьте здоровы и всего вам хорошего!

1895

Химера

«Много дум у человека на сердце» – так, кажется, сказано в священном писании? Объяснять вам, реб Шолом-Алейхем, что это значит, как будто, нет нужды. Но есть у нас поговорка: «И резвому коню кнут нужен, и мудрому человеку совет требуется». О ком я это говорю? О себе самом. Ведь будь я умнее да зайди к доброму приятелю, Расскажи ему все как есть, так, мол, и так, – я бы, конечно, не влип так нелепо! Однако «и жизнь и смерть от языка зависят», то есть, если бог захочет наказать человека, – он его и разума лишит. Уж я сколько раз думал про себя: «Посуди сам, Тевье, осел эдакий! Ведь ты, говорят, человек не глупый, – как же это ты дал себя вокруг пальца обвести? Да еще так по-дурацки? Чего бы тебе не хватало, к примеру, сейчас, при нынешних твоих, хоть и небольших, заработках? Ведь твой молочный товар славится везде и всюду – и в Бойберике, и в Егупце, и где угодно... Как хорошо и радостно было бы, если бы твои денежки лежали себе тихонько в сундуке, на самом доньшке, и чтобы ни одна душа об этом не знала? Потому что кому, скажите на милость, какое дело, есть у Тевье деньги или нет их? В самом деле! Очень, что ли, интересовались этим самым Тевье, когда он в пыли и прахе валялся, горе мыкал, когда он с женой и детьми трижды в день с голоду помирал? Ведь это только потом, когда господь бог, обратив око свое к Тевье, вдруг осчастливил его, и Тевье стал кое-как приходить в себя и приберегать целковый-другой про черный день, о нем везде и всюду заговорили, и он сделался уже „реб Тевье“ – шутка ли! И друзей тут появилось – не счесть! Как в писании сказано: „И все любимые, и все ясные“, в общем: „Даст господь ложкой, так и люди – ушатом...“ Каждый со своим советом лезет: один предлагает мануфактурную лавку, другой бакалейную, один предлагает дом, второй – имение, третий – лес, хлеб, торги...»

– Братцы! – взмолился я. – Отстаньте вы от меня! Вы жестоко ошибаетесь! Вы, поди, подумали, что я – Бродский? Иметь бы всем нам столько, сколько мне не хватает до трехсот, и даже до двухсот, и даже до полутораста рублей! На чужое добро, – говорю, – глаза разгораются. Каждому кажется, что у другого золото блестит, а подойдешь поближе – медная пуговица!

Короче говоря, сглазили-таки, – чтоб им ни дна ни крыши! Послал мне господь родственничка... Да и то сказать: родственник – нашему забору двоюродный плетень. Менахем-Мендл звать его, – ветрогон, фантазер, путаник, шут его знает! Взясся он за меня и заморочил голову химерами, небылицами, мыльными пузырями. Вы, пожалуй, спросите, – как же так? Как я, Тевье, попал к Менахем-Мендлу? На это я вам отвечу; так, видно, суждено. Вот послушайте.

Приехал я как-то в начале зимы в Егупец, привез немного товара – фунтов двадцать с лишним свежего масла, – да какого масла! – пару изрядных мешочков творога, – золото, а не товар! дай нам бог обоим такую жизнь! Ну, сами понимаете, товар у меня тут же расхватили, ни крошки не оставили. Я даже не успел побывать у всех моих летних покупателей, бойберикских дачников, ожидающих меня, как мессию... Да и что удивительного? Разве могут егупецкие торговцы, – хоть лопни они! – давать такой товар, как Тевье дает? Вам-то мне нечего рассказывать. Как у пророка сказано: «Да будешь чужими хвалим», хороший товар сам себя хвалит...

Словом, расторговался я вчистую, подбросил лошаденке сенца и пошел бродить по городу. «Человек из праха создан», – все мы люди, все мы человеки, хочется на мир божий поглазеть, воздухом подышать, полюбоваться на чудеса, что выставляет Егупец напоказ в окнах магазинов, будто говоря: смотреть – смотри, сколько душе угодно, а руками трогать – не моги! И вот стою это я у большого окна, за которым разложены полуимпериялы, серебряные целковики, банковые билеты и просто ассигнации, гляжу и думаю: «Господи боже мой! Иметь бы

мне хоть десятую долю того, что здесь лежит, – чего бы мне еще тогда желать? И кто бы мог со мной сравняться? Перво-наперво, выдал бы я старшую дочь, дал бы за ней пятьсот рубликов приданого, не считая подарков, одежды и свадебных расходов; конягу с тележкой и коров продал бы, переехал бы в город, купил бы себе постоянное место в синагоге у восточной стены, жене – дай ей бог здоровья! – нитку-другую жемчуга, раздавал бы пожертвования, как самый зажиточный хозяин; синагогу покрыл бы железом, чтоб не стояла, как сейчас, без крыши – вот-вот провалится; устроил бы какую ни на есть школу для ребят, соорудил бы больницу для бедных, как во всех порядочных городах, чтобы бедняки не валялись в синагоге на голом полу; выставил бы наглеца Янкля из погребального братства, – хватит ему водку пить и пупками да печенками закусывать на общественный счет!..»

– Мир вам, реб Тевье! – слышу я вдруг позади себя. – Как живете?

Оборачиваюсь, смотрю, – готов поклясться, что знакомый!

– Здравствуйте, – отвечаю. – Откуда будете?

– Откуда? Из Касриловки. Родственник ваш, – говорит он. – Правда, не так, чтобы очень близкий; ваша жена Голда приходится мне кровной четвероюродной сестрой.

– Позвольте-ка, – говорю я. – Так вы, может быть, зять Борух-Герша, мужа Лея-Двоси?

– Вроде угадали! – отвечает он. – Я зять Лея-Двосинога Борух-Герша, а жену мою зовут Шейне-Шейндл, дочь Лея-Двосинога Борух-Герша! Теперь вам ясно?

– Погодите-ка, – говорю я. – Бабушка вашей тещи, Соре-Ента, и тетка моей жены, Фруме-Злата, были как будто бы чуть ли не кровными двоюродными сестрами, а вы, если не ошибаюсь, женаты на средней дочери Борух-Герша, мужа Лея-Двоси. Но дело в том, что я забыл, как вас зовут, вылетело у меня из головы ваше имя. Как же вас зовут по-настоящему?

– Меня, – отвечает он, – зовут Менахем-Мендл, зять Лея-Двосинога Борух-Герша, – так зовут меня дома, в Касриловке.

– В таком случае, дорогой мой Менахем-Мендл, – говорю я ему, – тебе особая честь! Скажи-ка мне, дорогой Менахем-Мендл, что ты здесь поделяваешь, как поживают твои теща и тесть? Как твои дела, как здоровье?

– Эх! – отвечает он. – На здоровье, слава богу, не жалуемся, живем помаленьку. А вот дела нынче что-то невеселые.

– Авось бог милостив! – говорю я и поглядываю на его одежду: потрепана сильно, а сапоги, извините, каши просят... – Ну, ничего! Господь поможет. Поправятся, надо думать, дела. Знаешь, как сказано: «Все суета сует», – деньги – они круглые: нынче там, а завтра здесь, – был бы только человек жив! А главное – это надежда! Надо уповать. А что приходится горе мыкать, так ведь на то мы и евреи! Как говорится: «Ежели ты солдат, – нюхай порох!» А в общем, – говорю, – вся жизнь наша – сон... Ты скажи мне лучше, Менахем-Мендл-сердце, каким образом ты вдруг очутился в Егупце?

– Что значит «очутился»? – отвечает он. – Уж я здесь полегоньку да потихоньку года полтора...

– Ах, вот как! – говорю я. – Стало быть, ты здешний, егупецкий житель?

– Ш-ш-ш! – зашипел он, оглядываясь по сторонам. – Не говорите так громко, реб Тевье! Здешний-то я здешний, но это – между нами!..

Стою я и смотрю на него, как на полоумного.

– Ты что? – спрашиваю. – Беглец? Скрываешься в Егупце посреди базара?

– Не спрашивайте, – говорит он, – реб Тевье! Все это правильно. Вы, наверное, не знаете егупецких законов и порядков... Пойдемте, – предлагает он, – и я вам расскажу, что значит быть здешним и в то же время нездешним...

И стал он мне рассказывать целую историю о том, как здесь люди мытарствуют...

– Послушай меня, Менахем-Мендл! – говорю я. – Съезди ко мне в деревню на денек. Отдохнешь, кости разомнешь. Гостем будешь и желанным! Старуха моя так тебе обрадуется!

В общем, уговорил: едем. Приехали домой – радость! Гость! Да еще какой! Кровный четвероюродный брат! Шутка ли? Свое – не чужое! И пошли тары-бары: что слышно в Касриловке? Как поживает дядя Борух-Герш? Что поделявает тетя Лея-Двоя? А дядя – Иосл-Менаше? А тетя Добриш? А дети их как поживают? Кто умер? Кто женился? Кто развелся? У кого кто родился и у кого жена на сносях?

– Ну, что тебе, – говорю я, – жена моя, до чужих свадеб и рождений? Ты позаботься лучше, чтоб перекусить было чего. «Всяк алчущий да приидет...» Какая там пляска, коли в брюхе тряска? Ежели есть борщ, – прекрасно, а нет борща, так и пироги сгодятся, или вареники, галушки, а то и блинчики, лазанки, вертуты... Словом, пускай будет блюдом больше, лишь бы скорее!

Короче говоря, помыли руки и славно закусили, как положено.

– Кушай, Менахем-Мендл, – говорю я, – ибо «все суета сует», как сказал царь Давид⁴, нет на свете правды, одна фальшь. А здоровье, – говорила моя бабушка Нехам – царствие ей небесное, умная была женщина! – здоровье и удовольствие в тарелке ищи...

Гость мой, – у него, у бедняги, даже руки тряслись, – на все лады расхваливал мастерство моей жены и клялся, что он уж и времени того не помнит, когда ему доводилось есть такие чудесные молочные блюда, такие вкусные пироги и вертуты!

– Глупости! – говорю я. – Попробовал бы ты ее запеканку или лапшевник вот тогда бы почувствовал, что такое рай на земле!

Ну вот, покушали, молитву прочитали и разговорились каждый о своем, как водится: я о своих делах, он о своих. Я – о том о сем, пятое – десятое, а он об Одессе, о Егупце, о том, что он уже раз десять бывал «и на коне и под конем», нынче богач, завтра – нищий, потом снова при деньгах и опять бедняк... Занимался такими делами, о которых я сроду и не слышивал, дикими какими-то, несуразными: «гос» и «бес», «акции-шмакции». «Потивилов», «Мальцев-Шмальцев» бог его ведает! А счет ведется прямо-таки сумасшедший – десять тысяч, двадцать тысяч... Деньги – что щепки!

– Скажу тебе по правде, Менахем-Мендл, – говорю я ему, – то, что ты рассказываешь о своих диковинных делах, – это, конечно, ловкости требует, уметь надо... Но одно мне не совсем понятно: насколько я знаю твою супружницу, меня очень удивляет, что она позволяет тебе эдак носиться и не приезжает к тебе верхом на метле...

– Эх, – отвечает он со вздохом. – Об этом, реб Тевье, лучше не напоминайте мне... Достается мне от нее и так... И в жар и в холод бросает... Послушали бы вы, что она мне пишет, – вы бы сами сказали, что я праведник! Но все это мелочь, на то она и жена, чтобы в гроб вгонять. Есть, – говорит, – кое-что похуже. Имеется у меня еще и теща. Рассказывать вам о ней мне не к чему, – вы сами ее знаете!

– В общем, – говорю я, – у тебя, как сказано: «И пятнистые, и пегие, и пестрые...» Болячка на болячке, а поверх болячки – волдырь!

– Совершенно верно, реб Тевье! Это вы очень правильно сказали. Болячка болячкой, но волдырь, – отвечает он, – хуже всякой болячки!

Словом, проболтали мы таким манером до поздней ночи. У меня даже голова закружилась от всех этих историй и сумасшедших дел, от этих тысяч, которые то взлетают кверху, то свергаются вниз, от сказочных богатств Бродского.... Всю ночь потом мерещились мне Егупец, полуимпериалы, Бродский, Менахем-Мендл со своей тещей... И только на следующее утро он наконец выложил все начистоту. В чем дело?

---

⁴ Это изречение взято из библейской книги «Екклесиаст» и никакого отношения к царю Давиду не имеет; Тевье упоминает царя Давида для вящего авторитета.

– Так как, – говорит он, – у нас в Егупце сейчас деньги, можно сказать, на вес золота, а товар полетел вниз, то вы, реб Тевье, могли бы в настоящее время отхватить порядочный куш, а меня вы бы очень поддержали, прямо-таки из мертвых воскресили бы!

– Рассуждаешь ты, как мальчик! – отвечаю я. – Думаешь, у меня егупецкие деньжищи, полумпериалы? Глупенький! Дай бог нам с тобою в компании заработать до пасхи столько, на сколько я не дотянул до Бродского!

– Конечно, – говорит он, – я и сам понимаю... Но вы думаете, что для этого нужны большие деньги? Дайте мне, – говорит, – одну сотню, и в течение трех-четырех дней я сделаю вам из нее двести, триста, шестьсот, семьсот, – а почему бы и не всю тысячу?..

– Очень, – отвечаю я, – может случиться так, как в писании сказано: «Барыш под рукой, да карман – за рекой...» Все это хорошо, когда есть чем рисковать. А как же быть, если и сотни нет? Вот и получается: «Пришедший в одиночку, в одиночку и изыде», – иначе говоря: хворобу вложил, – лихоманку достал!..

– Бросьте! – говорит он. – Сотня у вас еще найдется, реб Тевье! При ваших заработках, при вашем добром имени, не сглазить бы...

– А что толку, – отвечаю я, – от моего имени? Имя, конечно, вещь хорошая, да беда в том, что я так при имени своем и остаюсь, а денежки-то все-таки у Бродского... Если хочешь знать в точности, то у меня всего-навсего едва ли сотня наберется. Да и ею надо тысячу дыр заткнуть: во-первых, дочь замуж выдать...

– Об этом и разговор! – перебил он меня. – Когда еще, реб Тевье, вам такой случай подвернется: вложить в дело одну только сотню, а получить, с божьей помощью, столько, чтобы хватило и на выданье дочерей и еще кое на что?

И снова пошла канитель на битых три часа. Он стал объяснять мне, как из одного рубля делают три, а из трех – десять. Перво-наперво, говорит он, вносят сотню и велят купить десять штук, – уж я и забыл, как это называется, – потом выжидают несколько дней, пока это самое не поднимется в цене... Тогда дают куда-то такое телеграмму и велят продать это, а на вырученные деньги купить вдвое больше... Потом это снова повышается в цене, и снова посылают телеграмму, и так до тех пор, пока сотня не превратится в две, две – в четыре, четыре – в восемь, а восемь – в шестнадцать. Чудеса да и только! Видел он, говорит, в Егупце таких, что совсем еще недавно без сапог ходили, были маклерами, лакеями на побегушках... А сейчас у них собственные дома, палаты каменные, жены у них с желудками возятся, за границу лечиться ездят... А сами они носятся по Егупцу на резиновых шинах – фу-ты, ну-ты! – и людей не узнают!

Словом, о чем тут долго говорить! Разобрало меня не на шутку! Чего, думаю, на свете не бывает! А вдруг сама судьба послала его мне? Ведь вот, слышу я, люди в Егупце при помощи пяти пальцев богатеют! Чем я хуже их? Менахем-Мендл как будто бы не лгун, не из головы же он выдумывает такие чудеса! А вдруг, думаю, и в самом деле повернет, как говорят, направо, и Тевье на старости лет в люди выбьется? И правда, до каких пор маяться, из сил выбиваться? День и ночь только и знаешь: коняга да телега, сыр да масло... Пора, говорю, тебе, Тевье, отдохнуть, зажить по-человечески, не хуже других, в синагогу почаще заглядывать, за священной книгой посидеть... Да, но что если, неровен час, все это обернется другой стороной, упадет, так сказать, маслом вниз? Но, опять-таки, почему же мне не надеяться, что все будет хорошо?

– А? Что ты скажешь? – обращаюсь я к своей старухе. – Как тебе, Голда, нравится его план?

– Что я могу сказать? – отвечает она. – Я знаю, что Менахем-Мендл – не первый встречный, обманывать он тебя не станет. Он, упаси бог, не из портных и не из сапожников! У него очень порядочный отец, а дед был и вовсе святой жизни человек: день и ночь, уже будучи слепым, сидел над книгами. А бабушка Цейтл, да будет ей земля пухом, – тоже была женщина на из простых...

– Пошла болтать ни к селу ни к городу, – говорю я. – Тут о деле разговор, а она – со своей бабушкой Цейтл, которая пряники пекла да со своим дедом, у которого за рюмкой душа ушла в рай... Баба бабой остается! Недаром царь Соломон весь свет изъездил, и ни одной женщины с клепкой в голове не нашел...

Короче говоря, решено было составить компанию: я вношу деньги, Менахем-Мендл – сметку, а что бог даст, – пополам.

– Поверьте мне! – сказал Менахем-Мендл. – Я с вами, реб Тевье, рассчитаюсь, бог даст, честно, как самый добропорядочный человек, и вы, надеюсь, будете получать деньги, деньги и деньги!

– Аминь! – ответил я. – И вам того же. Из твоих бы уст да богу в уши! Однако непонятно мне одно: как коту Ваське речку переплыть? То есть, понимаешь... Я здесь, ты там... Деньги – ведь это, знаешь, материя деликатная... Уж ты не обижайся, я без задних мыслей. Помнишь, как у праотца Авраама сказано: «Сеющий во слезах, с песнею пожнет...»⁵ То есть лучше наперед оговорить, нежели потом слезы проливать...

– Ах! – спохватился он. – Может быть, вы хотите расписку? Пожалуйста, с удовольствием!

– погоди-ка, – сказал я. – Если подойти к этому делу с другой стороны, то ведь одно из двух: если ты захочешь меня зарезать, то чем уж тут расписка поможет? Как в талмуде сказано: «Не мышь ворует, а нора...» Платит-то не вексель, а человек. Ну, что ж поделаешь? Повис на одной ноге, – буду висеть на обеих!

– Поверьте мне! – опять сказал он. – Честным своим именем клянусь вам, реб Тевье. Да поможет мне бог! Обманывать вас, реб Тевье, я не собираюсь, боже меня сохрани! У меня в мыслях лишь одно: честно, честно и благородно делиться с вами поровну, доля в долю, вам половина, мне половина: мне сто – вам сто, мне двести – вам двести, мне триста – вам триста, мне четыреста – вам четыреста, мне тысяча – вам тысяча...

В общем, достал я свои сто рублей, трижды пересчитал, – руки у меня тряслись, – подозвал старуху свою в свидетели, еще раз объяснил Менахем-Мендлу, какие это кровные деньги, и отдал их ему, зашил в боковой карман, чтобы, упаси бог, в дороге не украли. Уговорились мы с ним, что не позднее будущей недели он напишет мне подробно обо всем, попрощались честь-честью, расцеловались сердечно, как полагается родственникам.

Уехал он, а меня, едва я остался один, стали одолевать всякого рода мысли, ну прямо сны наяву, – и все такие сладостные, что хотелось, чтобы они продолжались вечно, чтобы им конца не было. Представлялся мне большой дом в центре города, железом крытый, с сараями, чуланами, клетями и кладовыми, полными всякого добра. А хозяйка с ключами за поясом заглядывает во все углы: это моя жена Голда, но ее и узнать нельзя, право – совсем другое обличье! Богачиха, с двойным подбородком, с жемчугами на шее. Важничает и слуг ругает почем зря. Дети одеты по-праздничному, околачиваются без дела, палец о палец не ударяют. Двор кишмя кишит курами, гусями и утками. В доме у меня все сверкает, в печи огонь – готовится ужин, а самовар шипит, как злодей! Во главе стола сам хозяин, то есть Тевье, в халате и в ермолке, а вокруг самые уважаемые люди, и все лебезят перед ним: «Извините, реб Тевье!» «Не взыщите, реб Тевье!..» «Эх, – думаю я, – денежки, черт бы вашего батьку с прабабкой взял!»

– Кого это ты ругаешь? – спрашивает меня Голда.

– Да никого! – отвечаю. – Так, размышляю... Мысли всякие, глупости, прошлогодний снег... Скажи-ка мне, Голда-сердце, ты не знаешь, чем это он торгует, твой родственник, Менахем-Мендл то есть?

---

⁵ Приведенный стих из псалмов никакого отношения к праотцу Аврааму не имеет.

– Вот те и здравствуй! – говорит она. – Все, что снилось мне в прошлую и позапрошлую ночь и за весь год, пусть обрушится на головы моих врагов! Просидел с человеком битые сутки, говорил, говорил... А потом спрашивает у меня, чем он торгует! Ведь вы же вместе какое-то дело затеяли!

– Да, – отвечаю я, – затеять-то затеяли, но что затеяли, убей меня, – не знаю! Не за что, понимаешь ли, ухватиться... Однако одно другого не касается, – беспокоиться тебе, жена моя, нечего: сердце мне предсказывает, что мы заработаем и как следует заработаем! Говори «аминь» и готовь ужин!

Между тем проходит неделя, другая и третья, – нет письма от моего компаньона! Я вне себя, голову теряю, не знаю, что и подумать! Не может быть, чтобы он просто забыл написать: он слишком хорошо знает, как мы тут ожидаем весточки. Но тут же мелькает мысль: а что я с ним поделаю, если он, например, снимет себе все сливки, а мне скажет, что заработка никакого нет? Поди разберись! «Да не может этого быть! – говорю я сам себе. – Как же это так? Я обошелся с человеком, как с самым близким и родным, дай мне бог того, что я ему желаю! Неужели же он сыграет со мной такую штуку?» Однако тут же мелькает и другая мысль: что уж там о барышах говорить? Бог с ними – с барышами! Не до жиру – быть бы живу! Помог бы господь при своем остаться! Меня даже холодом обдало: «Старый дурень! – говорю я себе. – Держи карман пошире, ослиная твоя голова! За эти сто рублей можно было купить парочку лошадок, каких свет не видывал, и тележку обменять на рессорную бричку!...»

– Тевье, почему ты ни о чем не думаешь? – говорит жена.

– То есть как это, – говорю, – я не думаю?

У меня голова от дум раскалывается, а она спрашивает, почему я не думаю!..

– Не иначе, – говорит она, – стряслось с ним что-нибудь в дороге. Либо разбойники на него напали и обобрали до нитки, либо, упаси бог, заболел он, либо, не приведи господь, умер!..

– Еще чего придумаешь, душа моя? – отвечаю я. – Разбойники ни с того ни с сего!

А сам, между прочим, думаю: мало ли что с человеком в дороге случиться может!

– Уж ты, – говорю я, – жена моя, всегда не к добру истолкуешь...

– У него, – отвечает жена, – вся семья такая: мать его, – да будет она заступницей за нас перед богом! – недавно умерла совсем еще молодой; были у него три сестры – царство им небесное! – и вот одна из них умерла еще в девицах, вторая, наоборот, успела выйти замуж, да простудилась как-то в бане и тоже умерла, а третья сразу же после первых родов сошла с ума, помучилась, помучилась и тоже богу душу отдала.

– Ну и что же? – говорю я. – Все мы, Голда, помрем. Человек подобен столяру: столяр живет, живет и умирает, и человек – тоже...

Словом, порешили мы, что я съезжу в Егупец. Тем временем товару немного накопилось – сыр, масло, сметана. Товар – первый сорт! Запряг я лошадку и – «покинули Сукот», то есть – марш в Егупец! Еду я, а на душе у меня, можете себе представить, невесело, тоскливо: один в лесу, фантазия разыгралась и полезли в голову всякие мысли.

Вот интересно-то будет, думаю я: приезжаю, начинаю расспрашивать о своем молодчике, а мне и говорят: «Менахем-Мендл? Те-те-те! Здорово оперился! К нему теперь не подступись! Собственный дом! В каретах разъезжает! Не узнать его!» И вот, – представляю я себе, – набрался я духу и прямо к нему домой, «Тпруу! говорят мне и локтем в грудь. – Не суйтесь, дяденька, сюда соваться нечего!» «Да я, говорю, свой, родственник! Он – четвероюродный брат моей жены!» «Поздравляем вас! – отвечают мне. – Очень приятно! Однако, говорят, можете и здесь у дверей подождать, ничего вам не сделается...» Догадываюсь, что надо задобрить привратника: не подмажешь, не поедешь... И поднимаюсь к нему самому. «Здравствуйте, говорю, реб Менахем-Мендл!» Но – куда там! Ни ответа ни привета. Даже не узнает! «Вам чего?» – спрашивает. Я чуть в обморок не падаю. «То есть как же это? – говорю я. – Род-

ственника не узнаете? Меня звать Тевье». – «Как? – отвечает он. – Тевье? Припоминаю такое имя...» – «Серьезно? – говорю я. – Припоминаете? А не припомните ли, говорю, блинчики моей жены, ее пироги, галушки? Постарайтесь-ка припомнить...» Однако тут же представляется мне совсем другая картина: прихожу к Менахем-Мендлу, а он радушно и приветливо поднимается мне навстречу: «Гость! Какой гость! Присядьте, реб Тевье! Как живете? Как жена? Заждался я вас: рассчитаться пора!» – и насыпает мне полную шапку полуимпериалов. «Это, – говорит он, – барыши, а основной капитал остается в деле. Сколько бы мы ни заработали, будем делить все поровну, доля в долю: мне сто – вам сто, мне двести – вам двести, мне триста – вам триста, мне четыреста – вам четыреста...»

Задремал я, размышляя, и не заметил, как мой молодец свернул с дороги, зацепил колесом за дерево... Меня как стукнет сзади, – искры из глаз посыпались. «И то благо! – говорю я. – Спасибо, хоть ось не сломалась!»

Приехал я в Егупец, прежде всего распродал свой товар, справился, как всегда, быстро, без задержек, и пошел разыскивать своего компаньона. Брожу час, другой, третий, «а дитяти все нет» – что-то не видать его! Стал останавливать людей, расспрашивать:

– Не слышали ли, не видали ли человека по имени Менахем-Мендл?

– Менахем-Мендл, – отвечают, – скушал крендель... Мало ли Менахем-Мендлов на белом свете?

– Вы, наверное, хотите знать его фамилию? Понятия не имею! Даже у него на родине, в Касриловке то есть, если вам угодно знать, его называют по имени тещи – Менахем-Мендл Лея-Двоси. Да чего уж больше, – тесть его, человек в летах, и тот зовется Борух-Герш Лея-Двоси. И даже сама она, Лея-Двося то есть, тоже зовется Лея-Двося, жена Борух-Герша Лея-Двосиного... Теперь вы понимаете?

– Понимать-то мы понимаем! – говорят они. – Но этого еще мало. Какая у него профессия, чем он занимается, ваш Менахем-Мендл?

– Чем занимается? – отвечаю. – Он здесь торгует полуимпериалами, каким-то «бес-мес», Потивилов, посылает телеграммы куда-то такое в Петербург и в Варшаву...

– А-а! – покатываются они со смеху. – Так уж не тот ли это Менахем-Мендл, который торгует прошлогодним снегом? Потрудитесь в таком случае перейти на ту сторону, – там их, этих зайцев, много бегает, и ваш среди них...

«Чем дольше живешь, тем больше жуешь, – думаю я. – Зайцы какие-то, прошлогодний снег?»

Перешел на другой тротуар, а там народу – ступа непротолченная, как на ярмарке! Теснота – не протолкнуться! Носятся как сумасшедшие, кто туда, кто сюда, друг на дружку наскакивают... Сутолока, ералаш, все говорят, кричат, размахивают руками: «Потивилов!», «Твердо, твердо!», «Ловлю вас на слове!», «Всучил задаток!», «Почешется!», «Мне куртаж причитается!», «Паршивец эдакий!», «Голову тебе размозжу!», «Плюнь ему в рожу!», «Смотри, пожалуйста, зарезали!», «Тоже мне спекулянт!», «Банкрот!», «Лакей!», «Черта твоему батьке!»

Оплеухами пахнет! «И бежал Иаков», – сказал я себе. – «Удирай, Тевье! Уноси ноги, не то и тебе влетит!.. Ну и ну, – думаю я. – Господь – отец, а Шмуел-Шмелькес его стряпчий, Егупец – город, а Менахем-Мендл – добытчик... Это вот здесь и ловят счастье за хвост? Полуимпериалы? И вот это у них называется заниматься делом? Горе тебе, Тевье, с твоими затеями!»

Остановился я возле большого окна, за которым выставлено множество брюк, и вдруг увидел в стекле отражение моего дорогого родственничка. У меня даже в груди оборвалось, когда я его увидел, чуть душа не выскочила. Врагам бы моим и вашим выглядеть так, как выглядел Менахем-Мендл! Где уж там пиджак! Какие там сапоги! А лицо! Господи, краше в гроб кладут! «Ну, Тевье, – подумал я. – Яко благ, яко наг, яко нет ничего! Пропала твоя головушка!»

Плакали твои денежки! Уже, как говорится, „ни медведей, ни леса“ – ни товара, ни денег, – одни горести!»

Он, в свою очередь, тоже, видать, очень растерялся. Остановились мы оба как вкопанные, не в силах слово вымолвить, и только смотрим друг на друга, как петухи, будто желая сказать: «Оба мы с тобою обездолены! Остается нам обоим по суме надеть и по миру пойти!»

– Реб Тевье! – произнес он едва слышно, а слезы так и душат его. – Реб Тевье! Несчастливому, знаете, лучше и на свет не родиться! Нежели такая жизнь... Вешать, – говорит, – меня надо, четвертовать... И больше ни слова вымолвить не может.

– Конечно, – сказал я, – тебя, Менахем-Мендл, за такое дело следовало бы разложить вот здесь, посреди Егупца, и всыпать тебе, не жалеючи, да так, чтобы ты свою бабушку Цейтл на том свете увидал! Подумай сам, что ты сделал? Взял да погубил целую семью, без ножа зарезал столько живых душ, несчастных, ни в чем не повинных людей? С чем, скажи, я вернусь теперь домой к своей жене и детям? Нет, скажи сам, душегуб эдакий, разбойник, злодей!

– Правда! – пробормотал он, прислонясь к стене. – Святая правда, реб Тевье! Честное слово...

– Ада, дурень эдакий, ада и того для тебя мало!

– Правда, реб Тевье! Все правда... Честное слово... Нежели такая жизнь, реб Тевье... Чем так жить... – повторил он и поник головой.

Стою я и гляжу на него, горемычного, смотрю, как он стоит, прислонившись к стене, понуриив голову, шапка на сторону, и каждый его вздох и стон надрыдают мне сердце.

– Хотя, – говорю, – если подойти к этому делу с другой стороны, то ведь совершенно ясно, что ты, может быть, во всем этом несколько не виноват. Если рассудить как следует, то одно из двух: думать, что ты это сделал по злобе, глупо, – ты ведь был таким же компаньоном, как и я, заработок мы должны были поделить поровну. Я вложил деньги, ты – сметку. Горе мне! Ты, конечно, рассчитывал, как говорится, «на жизнь, а не на смерть». А если все это пошло прахом, – значит, не суждено. Как сказано: «Не хвастай днем грядущим», человек предполагает, а бог располагает. Ведь вот возьми для примера мой промысел. Уж на что, казалось бы, верное дело? А между тем, когда суждено было, то прошлой осенью, – не про тебя будь сказано! – полегла у меня корова, которая по дешевке, на мясо, не меньше полусотни стоила, а следом за ней – красная телка, за которую я бы и двадцати рублей не взял... И ничего не попишешь, как ни мудри! Уж если не везет, так и трижды три – нос утри... Я даже спрашивать у тебя не стану, где мои деньги. Сам понимаю, где они торчат, кровные мои денежки, горе мое горькое! В бумажки вложены, в прошлогодний снег... А кто же виноват, как не я сам? Дал уговорить себя, легкого хлеба захотелось, шальных прибылей... Деньги, братец ты мой, надо зарабатывать тяжким трудом, потом и кровью добывать! Бить тебя, Тевье, надо, бить, сколько влезет! Но что теперь толку от моего крика? Как в писании сказано: «И возрыдала отроковица», – плачь, хоть надорвись! Разум и раскаяние – обе эти вещи всегда приходят слишком поздно. Не суждено Тевье богачом стать. Как в поговорке: «Не було у Микиты грошив и не буде!» Так, видать, судил господь. «Бог дал, бог и взял», а толковать это надо так: пойдем, – говорю, – братец, хватим по рюмочке!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.